

А. А. Блок

Рамзес

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б70

Б70 **Блок А.А.**
Рамзес / А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-517-98593-4

ISBN 978-5-517-98593-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Действие происходит в XIV столетии до Р. Хр. («Новое царство») в древних Фивах при Рамзесе II.

Торговая площадь с домом градоначальника в центре города. Утро. Некрасивые и мрачные фасады довольно высоких домов с плотно закрытыми дверями. Окон на улице почти нет, видно только несколько окон в верхних этажах. К стенам прислонены лавочки, крытые камышом. Площадь начинает понемногу наполняться народом.

У главных ворот дома градоначальника, который помещается в низкой зубчатой стене под акацией, сидит домоправитель Хамоизит, длинный и толстый. Он не совсем пришел в себя с похмелья и мурлычет песню: «Пей, пей, подноси, пей, пей, подноси».

Из двери выходит сам градоначальник Псару, маленький и толстый.

Хамоизит вскакивает от неожиданности и падает на живот.

Псару. Встань, встань, Хамоизит. Должно быть у тебя совесть нечиста, что ты падаешь передо мной, как перед фараоном. Я не могу уснуть, даже Бизу не помогает; у меня болит живот, горит голова и во рту горько. Замучила меня проклятая деревня.

Хамоизит. Уж не сглазил ли тебя чей-нибудь дурной глаз, повелитель?

П с а р у . Дурной глаз, дурной глаз! Все увертки, хитрая гадина! Знаешь ли ты, Хамоизит, кто я такой?

Х а м о и з и т . Отлично знаю, повелитель. Ты—градоправитель Фиванский, главный правитель Земли Юга и главный начальник царских работ.

П с а р у . Вот в том то и дело. Кроме того, ты знаешь, что царь позволил мне целовать ему ноги, но запретил при этом целовать пол; что нет равного мне среди возлюбленных царя; что все смертные подходят ко мне не иначе, как с низким поклоном; ибо все люди ходят в моем свете.

Х а м о и з и т . Знаю, повелитель. Кроме того, ты можешь еще издавать законы, повышать в чинах, улаживать всякие несогласия и давать мир стране.

П с а р у . И с таким то человеком ты еще хитришь, Хамоизит?

Х а м о и з и т . Ты—муж правды, свидетель надежный, подобный Тоту; ты—глава суда; ты слушаешь хорошо и говоришь умно; ты заставляешь трепетать того, кто враг царю, и ты знаешь что скрыто в каждом человеке...

П с а р у . Вот в том то и дело, Хамоизит. А так как я знаю, что скрыто в каждом человеке, то от меня не укроется и то, что скрыто в тебе, ибо и ты человек, и притом—пьяный человек.

Х а м о и з и т . Ничто не укроется от глаз твоих; но ведь я, кажется, чист пред тобою. Я, хозяин, ничего от тебя не скрывал.

П с а р у . Ты лжешь, ты лжешь, негодный раб. Мне доподлинно известно, как ты вел себя в то время, как я исполнил волю моего государя.

Хамонзит. В это время я усмирлял бунт каменщиков царской усыпальницы, повелитель мой.

Псару. Может быть ты и усмирлял; но все таки ты опять лжешь. Что ты можешь мне ответить, если я тебе скажу, что ты бродил по улицам и от тебя несло пивом, как из пивной бочки? Что ты сидел вот в этой самой пивной с девицами и с гирляндой на шее? Что ты притом еще учился петь под флейту, говорить нараспев и играть на гуслях? Что вообще ты был подобен сломанному рулю, дому без хлеба и храму без бога?

Хамонзит. Повелитель, ты читаешь в сердцах, как божественный Ра; клянусь Озирисом, больше никогда и ничего я от тебя не скрою, ибо ты видишь то, чего никто не видит, и слышишь то, чего никто не слышит.

Псару. Ну, положим, что все отлично видели, как ты валялся среди площади, и слышали, как ты орали песни...

Хамонзит. Позволь мне в свое оправдание прибавить одно,—что все это случилось со мной с горя...

Псару. Помни, помни, Хамонзит, как дурно действует вино, удаляйся от пива и лучше забудь оба эти напитка. Пьяный от вина падает лицом вниз, а пьяный от пива—лицом вверх. Кроме того, пьяный может забыться и наговорить в пивной неосторожных и опасных слов, за которые придется потом ответить. А разве хорошо, если к домоправителю градоначальника придут потолковать о делах и застанут его, как малого ребенка, валяющимся на полу?

Хамоизит. Ты прав, ты прав, повелитель; поверь, что только отчаяние заставило меня предаваться порокам, которые ты перечислил.

Псару. Что же привело тебя в отчаяние? Собственные твои дела? Или может быть государственные?

Хамоизит. И те и другие, к сожалению. Нехтем-мут с товарищами ворвался ко мне в дом; они украли мои хлеба; вылили мое масло, приготовленное ко дню коронации. Кроме того, они забрались в кладовую и унесли три больших хлеба, восемь булок, вытащили мех с пивом и выпили его, пока я находился в отсутствии...

Псару. Пока сам ты лежал у дверей пивной, бездельник. Мне сдается, что ты сумел уже наверстать потерянное, и поэтому мне тебя несколько не жаль. Скажи-ка лучше, какие государственные дела заставили тебя опозорить высокое звание управляющего домом градоначальника Стовратных Фив?

Хамоизит. Ты знаешь, хозяин, что рабочие на новых постройках постоянно бунтуют. 10 мехира они проломали пять стен усыпальницы, добрались до южной части храма божественного Сети и унесли фараоново зерно.

Псару. Так, так. И это тебя так сильно взволновало, Хамоизит? Ну, а где же был в это время хранитель царских могил?

Хамоизит. Говорят, он вызвал солдат, но рабочие их не послушались.

Псару. Ну да, я всегда знал, что этот хранитель — нераспорядительный чиновник, да к тому же еще

и взяточник. Когда будет случай, я скажу два слова фараону...

Хамонзит. А мне, хозяин, кажется, что хранитель сделал все, что мог...

Псару. Помолчи, Хамонзит, и лучше не рассказывай своему хозяину о том, что тебе кажется. Уж не получил ли ты и с него взятку, потому и защищаешь его так усердно?—Ну, а мои житницы?

Хамонзит. Благодарение богам, хозяин! Твои закрома наполнены хлебом и ничья преступная рука еще не посягала на них?

Псару. Благодарение богам, Хамонзит. Вот первая радостная весть, которую я от тебя услышал; и живот мой теперь ноет поменьше. А что до царских могил, то, в конце концов, ведь это—не наше дело. Я вижу, что гость мой проснулся и идет сюда. Если он пожелает осмотреть город, следуй за ним, прислуживай ему и смотри, чтобы я не услышал от него ни единой жалобы на тебя.

Гость (входит из двери). Как твое здоровье, любезный хозяин? Почему ты так рано покинул ложе сна?

Псару. Любезный гость, мое здоровье не позволило мне уснуть. Чей-то дурной глаз сглазил меня, и я не могу сопровождать тебя сегодня на прогулке. Тебя проводит мой управляющий; мне же надлежит одеться и приготовиться к докладу божественному фараону. Поэтому прости. (Уходит).

Гость. Как тебя зовут, писец?

Хамонзит. Хамонзит, господин.

Гость. Иди за мной, Хамоизит. Я хочу пройтись по базару и посмотреть, чем здесь торгуют.

Хамоизит с гостем вмешиваются в толпу, которая тем временем загроудила площадь. Торговля началась, пригнали овец, гусей, коз, волов; проходят ослы, нагруженные соломой. Крестьяне и рыбаки уселись на корточках перед плетеными лотками с хлебом, плодами, овощами, мясом, рыбой, материями. Продают удочки, дышочки, браслеты, ожерелья, помаду, духи, олово, железо, янтарь, стекло, фаянс, драгоценные камни. В открытых помещениях видно, как горшечник лепит, сапожник скоблит кожу, прядильщицы и ткачихи работают, сидя на полу, мастер высверливает большую алебастровую вазу, столяр клеит богатую мебель, кондитер продает финики, сиропы, печенья, пряности; в харчевне жарят на вертеле гуся, и обыватель, усевшись на низенький табурет, приготовился приняться за гору кушанья, стоящую перед ним; в это время цирюльник яскоро брест ему голову. Барыня заказала ювелиру выплавить браслет из плитки электрона; в это время перед его лавкой останавливается передовой верблюд каравана, привезшего золото из пустыни; негр, ловко спрыгнув с верблюда, молча подносит Хамоизиту мешечек, который тот так же молча и привычно прячет под платье. — Из пивной уже раздаются крики: «Вино звезды Горуса, повелителя неба! Пей до пьяна! Счастливейший день! Пей до дна!»

Площадь пестрит одеждами разноцветных покупателей, продавцов и прохожих—купцов, офицеров, чиновников, горожанок, жрецов, простолюдинов; здесь кишат сирийцы, эфиопы, нубийцы, негры, феллахи.

Продавцы выкрикивают названия товаров, предлагают ожерелья из стекляруса, прочные башмаки, нитку бус, банку духов—от одной капли этих духов все начнут бегать за покупателем.

Хамоизит покорно ходит за гостем Псару, уже навьюченный покупками. Гость за все хорошо платит, и торговцы

начинают преследовать его, так что ему приходится, наконец, спрятаться в доме градоначальника.

На площади появляются гуляющие; ходят нарумяненные горожане, босиком и с длинной тростью в руке. Медленно проезжает колесница, проходит лысый жрец, завернувшись в белый плащ.

Чиновник подходит к офицеру.

Чиновник. Вот, наконец, я нашел тебя, муж сильный и счастливый, муж красоты царственной! Сам лев фараона не сравнится с тобой в храбрости!— Давно ли из похода?

Офицер. Едва кончилась одна война, начинается другая.—Ты, кажется, завидуешь мне?

Чиновник. Ты не спрашивал бы меня об этом, если бы знал, как плохо живет бедному скрибе.

Офицер. И ты думаешь, что лучше быть офицером, чем скрибой?

Чиновник. Верно ты не знаешь, чего нам стоит ученье, сколько побоев перенес я прежде, чем стать скрибой. Учитель каждый день говорил мне: «Вот тебе сто ударов. Ты для меня осел, которого бьют. Ты—неразумный негр, который попался в плен. Как орла заставляют садиться на гнездо, как кобчика приучают летать, так я делаю из тебя человека, а ты меня благодари!» При каждом слове он ударял меня палкой; а бывали дни, когда меня клали на пол и колотили камышевыми прутьями без счета, точно хотели превратить в телятину.

Офицер. Что и говорить, ученье не из приятных. Но, уж если на то пошло, я расскажу тебе, как я стал офицером. С детства втокнули меня в казарму

и заперли. Удары так и сыпались мне на живот; меня били по глазам, как лошадь, синяки не сходили с моего лба, а голова была проломлена. Я лежал, а меня колотили, как пучек папируса. Потом отправили нас в горный сирийский поход. Спина у меня всегда болела, потому что хлеб и воду приходилось тащить на плечах, как ослу. Потом вода загнила, стали пить гнилую. Когда дошли до неприятеля, сил уже не было. Назад я возвращался, подобный дереву, изъеденному червями. Меня везли на осле, одежду украли воры, а слуга убежал.

Чиновник. Великий Ра, где же справедливость? Неужели лучше обратить сердце свое на то, чтобы сделаться несчастным скрибой и управлять людьми!

Офицер. Теперь, верно, ты не станешь завидовать мне. Никому не пожелаю я быть офицером.

Чиновник. Но неужели всем так тяжело жить в Египте?

Офицер. Всем, всем, кроме жрецов! Разве мало народа растоптано вражескими колесницами? Разве мало пожрал лев фараона? Разве мало умерло от жару, от голода, от лихорадок? Так погиб мой отец, так погибли все мои предки! Так было при Тутмозу Менхопирри, так было при Аменготпу Нибмаутри, так было всегда!

Чиновник. Будь же проклят отец, родивший меня! Будь проклята мать, родившая меня!

Появляется полуголый пророк в лохмотьях, дико размахивая руками. Любопытные собираются вокруг него; мальчишки

гоняются за ним, дергают его за растрепанные седые волосы и швыряют в него луковцами.

Пророк. О, Египет, Египет, Египет! Горе, горе тебе! От одной горной цепи до другой горной цепи разносишь ты плач и стоны детей и жен твоих! Как смрадный змей, пресмыкаешься ты между двух пустынь! Горе тебе, народ грешный, народ отягченный беззаконием, племя злодеев, дитя погибели! Вот, пески пустыни засыпят вас! Куда вас еще бить, когда вся голова ваша в язвах и сердце исчахло! От подошвы до темени нет в вас здорового места! Земля ваша пуста, поля ваши на глазах ваших поедают чужие!

На шум и крики выбегают рабы, клиенты, родственники из дома градоначальника. Хамопзит тоже выглядывает из двери. В окне наверху появляется лысая голова Псару.

Пророк. Горе тебе, Египет, горе, горе тебе, столица Фивы, блудницей ты стала, правда обитала в тебе, а теперь обитают убийцы! (Он грозит кулаками Псару).

Хамопзит. Хозяин, хозяин, спрячься скорее, он тебя сглазит!

Псару быстро прячется за окном.

Пророк. Египтяне—люди, а не бог, кони их—плоть, а не дух. Прострет Господь руку свою, и споткнется защитник, и падет защищаемый, и все погибнут, погибнут, погибнут... (Уходит).

Раздается страшный шум, вбегают несколько десятков каменщиков, испачканных глиной и известкой. Они машут инструментами и тащат за собой трех скриб; вид у наблюдателей испуганный и жалкий.

Скриба. Назад, назад! Именем фараона!

Каменщики. С тобой не разговаривают, собака! Не хотим больше терпеть! Псару! Псару! Где правитель работ? Пусть он нас рассудит!

Хамонзит. Правитель занят.

Каменщики. Нечего разговаривать! Идите все, берите ломы, ломайте двери!

Хамонзит. Правитель нездоров, он не может к вам выйти.

Каменщики. Все равно! Сюда его! Пусть он рассудит!

(Хамонзит пьтится в ворота.) Ломай ворота! Псару! Псару!

В ворота летит камень.

Хамонзит. Ничего не поделасшь, придется звать хозяина.

Уходит.

Скоро из дверей выходит уже набелеянный, нарумяченный и одетый в белый кафтан Псару. Выражение лица у него кислое, он держится за живот. Каменщики затихли и низко кланяются Псару.

Псару. Что, что случилось, друзья мои?

Каменщики. Мы пришли к тебе потому, что нет больше сил терпеть. Рассуди ты нас с письмом Хамуасом. Мы—голодные, а он говорит, что выдал нам весь хлеб на прошлой неделе.

Псару. Поди сюда, Хамуас. Ты выдал им весь хлеб на прошлой неделе?

Хамуас. Выдал, повелитель.

Псару. Вот видите, он выдал.